

Александр СОЛЖЕНИЦЫН:

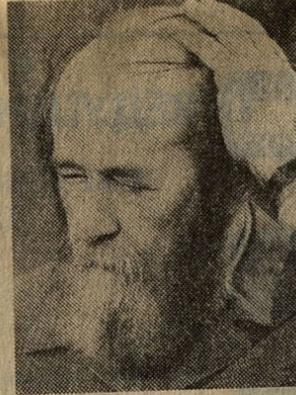
Я не собираюсь никого возглавлять, я не собираюсь играть никакой политической роли

— Мои личные дела идут плотно, хорошо, я ими доволен. Но трудно говорить о делах своих, когда плохи дела на Родине.

Это были первые слова Александра Исаевича Солженицына в посвященной ему программе французской телестанции «Франс 2», которую смотрели миллионы европейцев как во Франции, так и в Бельгии, Швейцарии, Италии и других странах.

Подробности — на 6-й стр.

Фото Рейтер.

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия»

Александр Солженицын сейчас совершает поездку по Европе и принял участие в популярной телепередаче «Культурный бульон», которую ведет журналист Бернар Пиво. В течение полутора часов писатель отвечал на вопросы ведущего, а также философа Андре Глюксмана, политолога Жан-Ильода Казанова и журналиста Бернара Гетта. Кроме того, бывший президент Валери Жискар д'Эстан и писатель Анри Труайя прислали свои вопросы в видеозаписи.

По общему мнению, да и по моему личному, ваш корреспондент находился среди гостей в телестудии — Солженицын блестяще провел передачу, которая, безусловно, стала событием европейского масштаба. В свои 75 лет он замечательно выглядит и, как написала газета «Фигаро», неподвластен времени, «крепок, как скала», а ум его столь же ясен и пронизывающ, как и несколько десятилетий назад.

Александр Исаевич подтвердил: он вместе с женой после 20-летнего отсутствия окончательно возвращается в Россию в мае 1994 года. Что же касается его сыновей, то они должны закончить учебу в Соединенных Штатах. Хотя дети и получили полностью американское образование, говорит писатель, «как раз сердечное чувство к России у всех у них есть... и как только они приезжают на Родину, сразу ощущают биение сердца». Неправильно считать, что корни его детей в Америке. Постепенно «их жизнь с Россией сплетется, но мы принуждаем их к этому не будем, мы даем им полную свободу».

Сам Александр Исаевич раньше не возвращался, так как должен был закончить свой труд, не мог «строчки бросить». Вначале стала ездить в Россию его жена, Наталья Дмитриевна, — искать место, где жить. Солженицыны строят в Подмоскovie себе дом, который должен быть закончен к маю.

Это личная сторона дела. Есть и общественная.

— С самого момента начала новых событий в России, — говорит писатель, — сердце рвалось туда. Сперва мне был путь закрыт. Когда уже разрешили всех запрещенных писателей, меня все еще не разрешали. Я был разрешен последним в конце 1989 года. Затем меня пригласили приехать, но я не мог приехать в свою страну в качестве туриста.

«НАШЕ НЕСЧАСТЬЕ РУССКОЕ ТАКОЕ ДЛИТЕЛЬНО БУДЕТ»

Если бы Александр Исаевич приехал в Россию раньше, то, может быть, говорит он, повлиял бы на какие-то ранние процессы. Но это не значит, что более глубинные процессы уже прошли, нет, считает писатель, они еще впереди: «Наше несчастье русское такое длительное будет».

— Я насытился за 18 лет в Вермонте одиночеством, одинокой писательской работой... Я, конечно, не буду участвовать в избирательных кампаниях... не буду баллотироваться ни на какой пост и не приму никакого назначения от правительства, какое бы мне ни предлагали. («Я не собираюсь никого возглавлять, я не собираюсь никакой политической роли играть», — скажет он в конце передачи). Но для меня теперь наконец откроется возможность широкого общения с моими соотечественниками и возможно-го общественного участия в разных областях нашей жизни, которые все в тяжелом положении или в провале... Писатель должен, в моем понимании, не разъединять народ, не приобщаться к какой-то партии или фракции или к политическому движению. Писатель должен по возможности объединять свой народ. Вот эта роль вполне общественная, и она писателю доступна.

Вернувшись на Родину, автор «Архипелага ГУЛАГ» собирается ездить по стране, выступать перед соотечественниками. Не будет избегать и российской прессы, в адрес которой он высказал в «Культурном бульоне» острые критические замечания.

— Пресса сегодня в России относительно независима. Все главные органы — и телевидение тем более — находятся на дотации правительства. И они все не смеют говорить в полную силу. Они должны считаться с тем, что они получают дотации. Поскольку я не буду считаться ни с какими авторитетами, я не связан ни с каким политическим движением, ни с какой политической партией, ни с каким политическим лицом, я буду говорить то, что я считаю полезным и нужным для России... Очень может быть, что меня начнут ограничивать в праве говорить. Я не удивлюсь, если мне ограничат доступ к телевидению, доступ к прессе.

«В РОССИИ НЕТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ»

Проблемы демократии в России были одной из главных тем беседы с писателем. Александр Исаевич не согласен с теми, кто считает, что Россия — это демократическая страна:

— Если говорить в аспекте политическом, то в сегодняшней России лжедемократия, псевдодемократия. А если говорить в национальном отношении, то у нас хуже того — антидемократия.

В дальнейшем в передаче писатель снова возвращался к этому вопросу. С крутого обрыва, сказал Александр Исаевич, автомобиль не может прыгнуть в бездну. Он должен, тормозя, медленно спуститься. Поэтому мгновенный переход к полной свободе и демократии невозможен и

будет губителен для России... У нас произошла не революция, а просто хаос. После 7 лет того, как Горбачев только обещал, обещал и ничего не делал, кинулись в реформы, о которых сами их создатели говорят: не было времени подумать, какую реформу выбрать, какая лучше — какую-нибудь скорее.

Лжедемократия у нас потому, отметил Солженицын, что «народ не выбирал тех, кто возглавляет страну. Парламента нет. Есть Верховный Совет, в который половину назначила коммунистическая партия, а другую половину люди выбрали неподготовленные. Не было правосознания, понимания, что такое выборы... У нас нет законодательной власти. Народ не понимает, что происходит».

Надо ли в России организовать процессы над скомпрометировавшими себя лидерами компартии?

Известия - 1993 - 21 сент. - с. 6

Александр СОЛЖЕНИЦЫН:

Я НЕ СОБИРАЮСЬ НИКОГО ВОЗГЛАВЛЯТЬ, Я НЕ СОБИРАЮСЬ ИГРАТЬ НИКАКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ

Я не раз высказывал возмущение, сказал Александр Исаевич, что Молотова и Кагановича, переживших крушение коммунизма, продолжали содержать в самых почетных условиях, как благородных старцев, и дали им спокойно умереть. Кроме них, существуют сотни и тысячи людей, у которых руки в крови, которые были проводниками страшного насилия. Но вопрос еще сложнее. Существуют десятки и сотни тысяч таких, которые не были крупными палачами и насильниками, но участвовали в партийном аппарате. Они голосовали за те решения, которые потом обрушились на народ.

Надо начинать с раскаяния, говорит Солженицын. У нас коммунисты взяли свой партийный билетик и переложили его в задний карман, объявив: «Я демократ и всю жизнь был демократом». Или, как Кравчук: «Я всю жизнь был украинский националист». Посмотрите в Чехии. Гавел — заслуженный борец против тоталитаризма. В Польше Валенса — заслуженный борец против тоталитаризма. У нас начните искать под увеличительным стеклом, быть может, двух-трех-четырёх человек найдете где-то в парламенте, которые боролись. Остальные были лакеи коммунизма, кончали коммунистические академии, писали живые книги, создавали весь этот ореол. Разве могло одно политбюро овладеть мозгами миллионов?

— Я всегда говорил с гнилым дуплом дерево не стоит. Если мы не начнем очищаться, если каждый не начнет рассказывать о себе... как он участвовал во лжи, как он участвовал в насилии и как он раскаивается в этом. Вот с этого момента начнется только путь нравственно-го выздоровления.

«Я ВРАГ РЕВОЛЮЦИИ»

Особая тема беседы с Солженицыным — трагическое бремя коммунистического прошлого. Не разрушили ли годы господства коммунизма русскую душу, поинтересовался Валери Жискар д'Эстан.

Наш народ, ответил писатель, пережил глубочайшее сотрясение. Уничтожали десятки миллионов — не просто так, подряд, не просто, как траву косят, а выбирали каждого, кто протестует, кто думает, кто нравственно отличается, — и высекали по одному. Таким образом, народ сперва несколько раз был идеологизирован, а потом разрабатывался коммунизмом... Нужны были послушные рабы. Все это вместе — процесс уничтожения и процесс подавления — конечно, изменило характер нашего народа. В нем что-то осталось от прежнего, а что-то совсем новое и очень разного качества. И одно с другим борется.

Стоило ли разрушать в России коммунизм, задаются вопросом многие французы. Ведь страна оказалась в страшном политическом и экономическом хаосе, погрязла в коррупции, произошло падение нравов.

Не только стоило, а стоило разрушить гораздо раньше, подчеркнул Александр Исаевич. Чем раньше мы бы его разрушили, тем меньше бы мы пострадали. Если мы бы этого не сделали, то превратились бы в стадо обезьян.

Как же выходить из коммунизма? К этой проблеме Алек-

сандр Исаевич в течение всей передачи возвращался несколько раз:

— Я враг революции, и я рад, что коммунизм без революции от нас ушел... Я совсем не хотел кровавой революции по серженному коммунизму... Но от коммунизма надо было разумно переводить политическое и экономическое состояние страны. Но в хаотический переход просто-напросто коммунисты пересели в другие кабинеты и стали владеть коммерческими организациями, наворованными за счет национального достояния. Номенклатура устроилась, она опять владеет, а народ оказался нежданно в нищете.

В тюрьмах в послевоенные 40-е годы, вспоминает Солженицын, нам было ясно, что коммунизм лопнет, но мы думали, как переходить от него. Люди старших поколений, с огромным опытом, говорили: нужно, чтобы вся система начала оживляться снизу. То есть вот как она стоит, ее не трогать, а начинать снизу — мелкое земледелие, мелкий бизнес, мелкие ремонтные мастерские, облуга. Через год-два люди сыты, одеты, обуты. Потом оживляется средний бизнес — это опять-таки спуск по виражам. Не сразу прыгать. А все это время центральная власть держится.

Известия - 1993 - 21 сент. - с. 6

Горбачев же, говорит писатель, ничего не сделал за 7 лет, кроме того, что утверждал номенклатуру на коммерческих должностях, дал ей возможность награбить партийные деньги и спрятать их. Вот вся его перестройка. После него началась хаотическая реформа, когда некогда подумать, скорее что-нибудь сразу... Гайдар, автор реформы, сказал через год после этого: мы не предполагали, что цены возрастут так сильно. Мы не предполагали, что придется денежную эмиссию такую большую сделать.

— Так если ты не предполагал такого, какой же ты экономист? — говорил Солженицын. — Кабинетный экономист, который жизни не знает. Сам признавал, что он этого не предполагал и того не предполагал. Вот вам и реформа.

«ГОСУДАРСТВО БЕЗ РЕЛИГИИ, КАК КОРАБЛЬ БЕЗ КОМПАСА»

— Трудно представить себе в истории такой феномен, чтобы огромное национальное достояние богатой страны, которое считалось формально государственным, фактически принадлежало коммунистической партии, вдрог стало бесхозным, — отмечал Александр Исаевич. — Пока честные люди... начнут честный бизнес и честное предпринимательство, жулики и скорохваты хватают это национальное достояние и воруют. Происходит страшное разграбление, воровство этого огромного национального достояния. В условиях, когда у нас очень слабая власть, законодательной власти почти нет, исполнительная слабая, судебная ничего не делает, спит. Воровать можно сколько угодно.

Есть ли смысл заимствовать России у Запада рыночную систему? Нам не надо ее перенимать, считает писатель, она у нас вся была. Россия дореволюционная была полна деловой инициативой, свободой выбора деятельности и занятия. Русское купечество существовало еще в XVI веке, вело торговлю с Китаем, Индией, Персией. У нас цвела торговля и промышленность. К сожалению, у нас тех людей, которые это делали, не осталось...

Проблему России пытаются решить экономически, политически, отметил Александр Исаевич, а на самом деле она нравственная:

— Здоровая часть народа сумеет вылезти и стать народом, или ополченная, разграбленная, погубленная часть народа задавит ее? Вот в этом поединке будущее России, главное, а не в деталях того, как будет построена Конституция и каким образом будет идти экономическая реформа... Вот как бывает. Завалит рядом со строительством железными балками травяной двор. Траву придавили, и она не растет. Проходит год, проходит два, и пошла трава опять. И снова растет, и все заросло, и балок этих не видно, и заросло этой травой. Сама жизнь так ивет, здоровое в жизни не умирает никогда, оно всегда движется. Вот на это надежда.

Нравственность нуждается в религии, сказал далее Солженицын. Даже такой атеист, как Наполеон, говорил, что государство без религии, как корабль без компаса. Религия, безусловно, нужна, но ее нельзя насиль-

ственно насаждать и даже нельзя усиленно пропагандировать. Она передается от одного человека к другому, как интимный дар, как медленное воспитание. Если даст Бог, этот процесс у нас пойдет, и тогда мы спасены:

— Я и вижу свою цель в нравственной области действовать.

Избрание папой римским Иоанна Павла II Солженицын называет «великим счастьем». Папа ведет активную деятельность во всем мире, совершает паломничество во все страны. Однако отношения между католицизмом и православием уходят в глубь истории на несколько веков. К сожалению, католицизм в течение столетий не признавал православия как равную христианскую религию, а считал ее второстепенной сектой... Сегодня в мире христиане все должны быть заедино, понимать, что мы теряем единомыслиенников, паству. И у католиков во всем мире много упущенной паствы, и католикам лучше бы заниматься тем, что спасать ее, а не стараться воспользоваться пустыней в России и занять ее под католицизм.

«ПОКОЯ НЕ БУДЕТ НА ЗЕМЛЕ»

...«Негнеливым пророком», назвала после передачи Александра Исаевича «Фигаро». Писатель напомнил о том, что он говорил в своей речи в Гарвардском университете 15 лет назад: вы заблуждаетесь, господа, если считаете, что есть первый мир, второй, третий. Ничего подобного. Миров много — каждый со своей культурой и системой: и Россия, и Китай, и Япония, и мусульманский мир, и Латинская Америка, и Африка. Сегодня все они проявляются:

— Покоя не будет на Земле. Не ждите, что кончилась «холодная война» и отныне начинается счастливая эпоха... Будет очень тяжелая эпоха. Будут подниматься мрачные силы, будут происходить страшные столкновения.

Солженицын выразил опасение тем, что в последнее время «возобновилась идея Меттерниха — вмешиваться, чтобы оздоровить. И на этом стоял Священный союз, который, как мы знаем, лопнул. Погиб, потому что он не считался с мироощущением народов и с их традициями... Но это ложная идея. Это Меттерних нам посылает привет из могилы. Нужно понять каждую растущую культуру, каждый растущий мир надо уважать. Надо понять его проблемы и трудности и действовать не путем вооруженного вмешательства, а самих себя поднимая на более высокий уровень — человеческий, технический, нравственный... XXI век будет сложнее XX, несомненно, в жизненном смысле».

25 сентября в Вандее Александр Исаевич откроет памятник жертвам крестьянского восстания, поднявшегося в 1793 году против Французской революции. Некоторые французские приветствуют приезд писателя в Вандею, другие, напротив, им возмущены. Почему же он принял это приглашение?

Русские люди, ответил Солженицын, которые пережили гражданскую войну, видели несколько таких вандей, когда коммунисты танками и отрядами газами давили наших крестьян. То же самое делала Французская революция с крестьянами в Вандее. Открывая этот памятник, Александр Исаевич, по его словам, одновременно открывает памятники Тамбовскому, Новосибирскому, Донскому восстаниям, которые когда-нибудь наша страна, быть может, поставит, если будет богатая.

Нужно ли в этом видеть осуждение Великой французской революции, которая была важной страницей в истории страны, дала Франции и миру Декларацию прав человека, а французам — их свободы, благодаря которым они живут уже 200 лет?

— Революцию я осуждаю всякую, — напомнил писатель. — Революция на самом деле не убивают ход истории, а усиливают его... Они не выпрямляют его, а делают ухабистым. Франция живет 200 лет благодаря термидору, а без термидора французы жили бы, как при большевиках.

Сможет ли Солженицын писать в России, защищая свое творчество от шумов политической и социальной жизни?

— Мне приходилось писать и в лагере, когда я каменную кладку вел. На лесах клал кирпичи, а сам в это время сочинял стихи или пьесу. Мне приходилось в очень тяжелых условиях писать. Сейчас, конечно, общественная жизнь будет размернее, но вместе с тем я имею привычку находить маленькие промежутки времени для работы. Больших полотен я больше не собираюсь писать. Мне уже 75 лет — нельзя начинать большое. А маленькие рассказы я надеюсь писать. И даже, наоборот, вот это общение с людьми, которое будет везде, будет питать меня, даст мне живые впечатления, которые помогут написать эти рассказы. Я, конечно, не знаю, удастся ли, но я очень хочу писать маленькие рассказы... Даже совсем малые, как «Один день...» Еще совсем маленькие. Не больше, чем «Матренин двор».

...Сразу после окончания передачи я спросил Александра Исаевича, что бы он хотел передать россиянам через «Известия».

— Приеду! Приеду!

ПАРИЖ.